

Жаль, он ведь собирался прямо заявить о своем происхождении, кто же знал, что журналисты совершенно не дадут ему такой возможности. Хан Цин с сожалением опустил телефон.

— Я слышала твои песни, они действительно неплохи, но между голосом, записанным на флешку, и пластинкой огромная разница. То, что песня звучит хорошо в записи, вовсе не значит, что вокальные данные действительно дотягивают до нужного уровня, — женский голос внезапно раздался в комнате.

Хан Цин поднял голову и посмотрел туда: там стояла женщина в платье от эль, ей уже перевалило за тридцать, но, ухоженная и со вкусом одетая, она по-прежнему выглядела прекрасной и привлекательной.

Это была Чэнь Мэй.

Хан Цин без удивления заметил на дне ее глаз недовольство и презрение. Чэнь Мэй изначально работала с топ-певцом, а теперь ее заставили переключиться на него, новичка — конечно же, она была недовольна. Хан Цин ни капли не переживал, потому что Чэнь Мэй очень скоро изменит свое отношение.

— Здравствуйте, — Хан Цин поднялся с места. — Так вы пришли послушать меня вживую?

Чэнь Мэй удивленно посмотрела на него. Она пришла сюда за тем, чтобы он сам отступил, столкнувшись с трудностями, а вовсе не для того, чтобы слушать какое-то живое исполнение! К тому же, понимает ли этот мальчишка, насколько легко на живом выступлении обнажить все свои недостатки? Он всего лишь мелкий певец, прославившийся благодаря публикации песен в интернете, откуда у него вообще хватило наглости решиться запеть вживую перед ней?

Хан Цин слышал бесчисленные записи Хань Яо, и после прослушивания у него оставалось лишь одно ощущение — божественный голос.

С таким потрясающим голосом ему непременно стоило прославиться, чтобы все вокруг узнали о нем.

Хан Цин не стал говорить лишнего. Он невозмутимо посмотрел на Чэнь Мэй и затянул коронную песню Витаса. Высокие ноты этого трека охватывали целых пять октав, за что их прозвали божественным фальцетом, а самого исполнителя впоследствии наградили титулом принца свиста. Он установил мировой рекорд, прямо на глазах у всех разбив хрустальный бокал, доверху наполненный водой.

Естественно, такая недостижимая высота побуждала немало певцов пытаться ее покорить.

В прошлом году на одном из талант-шоу какой-то участник исполнил эту песню, после чего его тоже наградили ярлыком мастера свисткового регистра.

Но все это было пустяками.

У меня же есть система, мысленно произнес Хан Цин.

С читами, предоставленными системой, его голос мог звучать еще безупречнее, а диапазон — подниматься еще выше. Добавьте к этому доведенную до абсолютного совершенства вокальную технику самого Хань Яо... Остановить его уже никто не сможет.

Дом достроен, но внутри я остался совсем один, и входная дверь с грохотом захлопывается за спиной...

Без всякого музыкального сопровождения зазвучал голос Хан Цина.

Поначалу Чэнь Мэй смотрела на него со сплошным презрением, но очень быстро ее выражение лица изменилось — голос поющего парня оказался донельзя прекрасным! И техника, и эмоции — все было выдержано идеально...

Но неужели он выбрал именно Оперу № 2? Неужели он думал, что ему по силам справиться с этой песней?

Вскоре наступила кульминация.

Хан Цин плавно перешел на высокие ноты...

Чэнь Мэй бессознательно затаила дыхание, постепенно погружаясь под воздействие его почти неземного голоса.

Снаружи, за дверью, неподвижно стоял Цзян Моян. Секретарь осторожно поинтересовался:

— Господин Цзян?

Цзян Моян обернулся:

— Пошли.

Секретарь с облегчением выдохнул и поспешил следом. И всё же... почему у господина Цзяна была какая-то странная походка? Он что, ударился ногой?

Внутри комнаты Хан Цин незаметно скользнул взглядом в сторону двери. Он знал, что злодей стоял снаружи, поэтому и запел так решительно. Злодей должен был оценить такое исполнение...

Песня подошла к концу.

Чэнь Мэй стояла опустив голову, погруженная в какие-то раздумья, и Хан Цин не спешил ее торопить. Добрую минуту спустя Чэнь Мэй подняла голову и тихо произнесла:

— Ты хорош... — выражение ее лица было сложным, но тут же голос ее зазвучал звонче: — Ты станешь вторым Сун Мином!

Хан Цин спокойно ответил:

— Я превзойду его.

Если не превзойти его, то как же приковать к себе взгляд злодея?

На этот раз Чэнь Мэй даже не стала отчитывать его за пустые мечты:

— Ступай домой, отдохни денек, а завтра приходи на работу.

Вид у Чэнь Мэй был озабоченный — очевидно, услышав его пение, она кардинально изменила свое решение.

Хан Цин кивнул в знак согласия и быстро вышел.

Сначала он вернулся в комнату отдыха, чтобы собрать свои вещи, а выйдя оттуда, столкнулся с артистами, которые прежде тоже числились под началом Чэнь Мэй.

— Ты знаешь, что Чэнь ушла? — спросил кто-то.

Хан Цин кивнул.

Кто-то рядом с ухмылкой процедил сквозь зубы:

— И нечего тебе радоваться раньше времени. Кто знает, какого менеджера назначат взамен ушедшей Чэнь? У тебя смазливая мордашка, так что новый менеджер наверняка первым делом постарается выставить тебя напоказ.

На словах «выставить напоказ» этот человек сделал тяжелый нажим, двусмысленно усмехнувшись.

Хан Цин поднял глаза и уставился на него, не моргая.

У Хань Яо были очень красивые глаза, чистые и прозрачные донельзя. Хан Цин полагал, что едва ли найдется много людей, способных выдержать такой взгляд... И реальность подтвердила это: собеседник постепенно покраснел, смущенно отвел глаза и в конце концов беспомощно пробормотал в свое оправдание:

— Я... я не про тебя говорил.

— Ох, — холодно отозвался Хан Цин, развернулся и зашагал прочь.

Остальные провожали взглядом его удаляющуюся фигуру.

— Вам не кажется, что Хань Цинцинъ как-то изменился?

— С чего бы? Стал еще более бабственным? Тц...

— Нет, он... он словно обрел больше достоинства.

В темной комнате чья-то рука вставила флешку в компьютер. Надев наушники, мужчина услышал полившийся оттуда звук. Он медленно закрыл глаза.

Звук в наушниках был не просто чрезмерно красивым — он казался до неприличия соблазнительным.

Мужчина невольно прерывисто вздохнул, а затем сорвал с головы наушники.

С другой стороны, Хан Цин тоже прослушивал собственную запись.

Он никак не ожидал, что Чэнь Мэй выложит в сеть запись его живого выступления в тот день. Впрочем, нельзя было отрицать, что это самый быстрый способ раскрутки: всего за несколько дней за Хан Цин закрепилось прозвище маленького короля поп-музыки. Звучало это звание поначалу прекрасно, но на деле наживало ему смертельного врага в лице Сун Мина.

После того как его собственный менеджер перешла к нему, да еще и на фоне постоянных сравнений с ним же — если только Сун Мин не был святым, он не мог не разозлиться.

Хан Цин закрыл видео.

А голос-то у него и правда хорош.

Прямо как выразилась система: «голос, от которого у любого встанет». Если бы самоцелование не было такой извращенной штукой, Хан Цин чувствовал бы, что от собственного пения у него

уже почти встает.

Он пролистал комментарии под видео и, вполне предсказуемо, обнаружил сплошную полосу похвал... среди которых затесалось всего несколько скептических ремарок от фанатов Сун Мина. Сун Мин был человеком крайне сдержанным; он не только держал в узде себя, но и воспитывал своих поклонников, поэтому большинство из них отличались исключительной рассудительностью и не стали устраивать побоища в комментариях раньше времени.

Хан Цин вздохнул.

Сун Мин на самом деле тоже вызывал симпатию, немудрено, что он оказался главным героем-уем.

Множество людей открывали это видео снова и снова.

О боже, да тут такие высокие ноты... Убирает всех отечественных певцов, что зовутся мастерами свисткового регистра!

Серия мастер-классов о том, как надо жить!

Когда слушаешь, и вправду ощущается какая-то чистая, бескрайняя и величественная атмосфера... Настоящий божественный голос!

...У меня аж встало, кхм.

У меня тоже встало, плюс один...

Пользователи сети стихийно превратились в армию промоутеров.

Особенно когда к имени Хан Цина приклеилось прозвище того, от чьего голоса встает, это вызвало еще более безумный поток репостов.

Чэнь Мэй вздохнула:

— Не думала, что ты прославишься именно таким способом.

Сам Хан Цин не придавал этому особого значения:

— Можно сказать, что это лишний раз доказывает красоту моего голоса.

Чэнь Мэй горько улыбнулась, но быстро взяла себя в руки и принялась обсуждать с Хан Цином дела, связанные с записью альбома.

Когда ассистент толкнул дверь и вошел в кабинет, Сун Мин тоже смотрел это видео. Бросив на экран взгляд, помощник тут же с недовольством произнес:

— По мне, так это сплошная фальсификация! Подделать голос на видео проще простого! И не смотрите вы на этого типа... Противный донельзя, только появился — и сразу увел вашего менеджера, а теперь как его зовут за глаза? Маленький король поп-музыки! Да куда ему до вас!

Сун Мин лишь слабо улыбнулся:

— Этот голос настоящий, я могу определить. Он... — во взгляде Сун Мина мелькнуло сложное чувство: — Он очень силен.

— Да в чем он силен... — проворчал помощник, а затем тихо добавил: — Звонил молодой господин Чэн.

— Дай сюда телефон.

Помощник протянул ему смартфон.

Впрочем, проговорив с Сун Мином всего пару фраз, собеседник повесил трубку.

Сун Мин поднялся, взял ветровку:

— Я пойду прогуляюсь.

Помощник приоткрыл рот, но в итоге промолчал. Наверное, собрался на встречу с молодым господином Чэном...

Замаскировавшись, Сун Мин вышел на улицу, сжимая в руке телефон. Он зашел в кондитерскую, напротив которой располагалось кафе. Усевшись у окна, Сун Мин уставился на противоположную сторону улицы.

Внезапно он услышал изумленный возглас продавщицы в кондитерской:

— Хань Яо?!

Сменив менеджера, Хан Цин забросил свой прежний сценический псевдоним, так что теперь

все знали только Хань Яо, начисто забыв имя Хань Цинцинъ. Хан Цин был крайне доволен этим обстоятельством.

Войдя в кондитерскую, он слабо улыбнулся продавщице, а затем заказал десерт и небольшой торт. Все продукты были комнатной температуры.

Гортань Хань Яо не переносила никакой раздражающей пищи, в отличие от мягкой и комнатной температуры.

Раз уж он взял под контроль это тело, то, разумеется, должен следовать привычкам прежнего владельца и беречь свои голосовые связки.

Забрав десерт и торт, Хан Цин развернулся и устроился за столиком у окна. Мысленно он подумал, что питаться так изо дня в день — не дело, придется нанять домработницу. Заказывать готовую еду на вынос он не мог, а готовить сам не умел... Не бегать же ему каждый день в кондитерскую? Хан Цин опустил голову и успел сделать всего несколько глотков, как почувствовал на себе чей-то взгляд. Сохраняя невозмутимость, он поднял глаза и увидел сидящего напротив мужчину, с ног до головы укутанного в одежду. Хан Цин удивленно посмотрел на него — незнакомец показался ему смутно знакомым.

Тот внезапно поднялся и направился к нему.

— Ты прекрасно поешь, — заговорил мужчина.

— Су Мин? — Хан Цин на мгновение растерялся. Кто бы мог подумать, что он встретит главного героя прямо здесь!

Мужчина слегка понизил голос:

— Тсс.

Хан Цин кивнул. Разумеется, он не собирался орать на всю округу и привлекать лишнее внимание — у Су Мина было немало поклонников...

— Ты очень талантлив, почему решил подписать контракт с Синъян? Синъян тебе не подходит, их методы... не слишком честны, — медленно произнес Су Мин.

Хан Цин даже удивился, услышав такое от Су Мина. Тот слыл настоящим благородным мужем, и тем не менее решился его предостеречь.

Впрочем, наверняка у Су Мина были и свои скрытые мотивы: неужели он пытался переманить его в студию истинного гэна?

Хан Цин покачал головой и тихо ответил:

— Так прощ.

— Прощ?

— Угу, лень выбирать другую компанию.

Услышав это, Су Мин на секунду замер, а на его лице промелькнуло выражение, словно он не знал, смеяться ему или плакать.

Больше Су Мин ничего не говорил, и Хан Цин молча продолжил свою трапезу.

Су Мин то и дело поглядывал в окно, а временами переводил взгляд на Хан Цина.

Он заметил, что юноша просто обожает шоколад и сливки. Стоило капле сливок случайно упасть на уголок губ, как тот тут же высовывал язык, чтобы слизать ее... Это шло в полный разрез с создаваемым им образом.

— Я закончил.

Хан Цин отложил вилку с ложкой и поднялся.

Су Мин тоже встал вслед за ним:

— Я тоже пойду.

К их столик подошел сотрудник:

— Здравствуйте, с этого господина сто восемьдесят юаней, а с этого — семьдесят.

Су Мин шарил по карманам своего плаща:

— ...Я забыл деньги.

Хан Цин с легкостью вытащил кошелек:

— Сдачи не надо, спасибо.

Поразмыслив пару секунд, он прихватил еще и маленький торт в коробочке, после чего неторопливо направился к выходу:

— До свидания.

Су Мин проводил взглядом его удаляющуюся спину и невольно улыбнулся.

Официант посмотрел ему вслед и взвизгнул:

— Сон! Небесный царь Сон! Хан Цин обернулся: главный герой-пассив уже растворился в толпе.

Выйдя на улицу, Хан Цин случайно заметил на противоположной стороне дороги кофейню со знакомым названием. Юноша резко замер. Разве это не то самое место, куда семья отправила истинного гэна на свидание вслепую? По сюжету оригиналу, главный герой-су в этот момент как раз находился в кондитерской и стал свидетелем сцены, после чего между ними завязались долгие и мучительные эмоциональные качели. Конечно, в конце концов истинный гэн сокрушил старших членов семьи, сосредоточил всю полноту власти в своих руках и избавился от необходимости подчиняться семейным договоренностям, а су, в свою очередь, растаял от его чувств и остался с ним. Преодолев все предрассудки, они даже поженились.

Какое совпадение...

Это же та самая точка отсчета для всех любовных страданий.

Так дело не пойдет!

Именно в тот момент, когда между су и гэном вспыхнет конфликт, злодей воспользуется ситуацией и укрепитесь в своей уверенности, что сможет заполучить су!

Хан Цин прикусил губу: может, с завтрашнего дня начать увиваться за злодеем? Нет, за злодеем особо не поухаживаешь, да и излишняя назойливость лишь вызовет у него раздражение. Остается только следить за главным героем-су, чтобы в нужный момент появиться и вовремя всё испортить, как только на горизонте замаячит злодей.

Приняв решение в глубине души, Хан Цин незаметно улыбнулся уголкам губ.

В нынешние времена старыми добрыми способами написания песен и выпуска альбомов человека уже не прославишь. Нет ничего эффективнее для быстрого взлета, чем участие в музыкальном телешоу. Чэнь Мэй пристроила его на гребень волны — в популярнейшую программу Певцы в масках, где артисты выступают на сцене, а зрители и звездные гости пытаются отгадать их личности. Тот, кого разоблачат, выбывает из проекта.

По удивительному стечению обстоятельств, Су Мин тоже оказался в числе приглашенных гостей этой программы.

— Съемочная группа наверняка сделала это нарочно, — прошептала Чэнь Мэй.

— И что с того? Я справлюсь, — невозмутимо ответил Хан Цин и закрепил на лице сложную узорчатую маску, оставив открытыми лишь глаза, нос и губы.

Чэнь Мэй слегка улыбнулась:

— Раз ты уверен, что справишься, то ладно.

— Попроси, пожалуйста, гримера зайти ко мне.

— Хорошо.

Чэнь Мэй встала и вышла, уступив место вошедшему гримеру.

Хан Цин указал на свое лицо:

— Сделайте, пожалуйста, побольше узоров, чтобы полностью скрыть область вокруг глаз, крылья носа и губы.

Гример растерялся:

— И губы тоже закрасить?

— Да, ничего страшного, если цвет получится темным.

— Понял.

Хан Цин закрыл глаза и спокойно стал ждать окончания работы. Спустя полчаса гример с мученическим выражением лица оглядел плоды своих трудов: его руками это невероятно красивое от природы лицо превратилось не пойми в что.

Хан Цин открыл глаза и взглянул в зеркало — результат его вполне устроил. Причудливый макияж в сочетании с эксцентричной маской идеально подходил для исполнения песен в необычном стиле.

Гример еще раз украдкой глянул на него и мысленно цыкнул языком: хорошая внешность —

это все-таки страшная сила! Даже с таким откровенно нелепым макияжем в этом образе умудрялось проступить нечто жутковатое, но завораживающе прекрасное.

Хан Цин снова натянул маску, и когда гример бросил на него последний взгляд, его словно током ударило. Секунду назад это казалось странным и пугающим, но стоило маске соединиться с макияжем, как осталась одна лишь чистая красота! Гример невольно затаил дыхание и поспешил отвести глаза.

Закончив с грифом, Хан Цина провели в зону ожидания — на сцене уже выступали другие участники.

Хан Цин выглянул наружу: в судейском кресле сидел Су Мин. Его манера держаться сильно отличалась от остальных, и в самом центре жюри он выглядел настоящим белым вороном. Главный герой-су и правда хорош собой... Хан Цин задержал на нем взгляд, а затем отвернулся.

И стоило ему повернуть голову в другую сторону, как он заметил в зрительном зале человека. Тот тоже разительно выделялся на фоне окружающих своим ледяным нравом, из-за чего казался совершенно чужеродным среди толпы.

Это был злодей — Цзян Мойн.

Зрители поблизости от него инстинктивно пересели подальше, не смея приближаться к столь опасному и грозному мужчине.

И впрямь явился.

Хан Цин чуть нахмурился: неужели Цзян Мойн и вправду влюбился в Су Мина с первого взгляда?

Впрочем, сейчас это не имело значения. Раз уж оба они находились прямо у него перед глазами, ему оставалось лишь выйти на сцену и спеть свою песню.

Вскоре подошла очередь Хан Цина.

— А теперь давайте поприветствуем участника по имени Рыба о восьми ногах в воде! Он исполнит... — ведущий слегка запнулся, — Рождение всех вещей.

В зале на мгновение поднялся шум.

Эту песню нельзя было назвать чрезмерно сложной, и многие пытались ее перепеть, но никому не удавалось повторить уникальное звучание оригинала. А сам первоисполнитель покори

сердца слушателей именно благодаря неповторимому колориту и почти неземному, звенящему голосу.

Хан Цин с невозмутимым видом вышел на сцену.

Зрители изумились еще сильнее.

Это же был мужчина-вокалист! Разве ему под силу петь репертуар Са Диндин?

Знай они, кто скрывается под маской, они бы не стали сомневаться. Когда Хан Цин пел Оперу № 2, он играл с высокими и низкими нотами, а также фальцетом с поистине виртуозным мастерством, так что и эта задача не представляла для него труда. К тому же Хан Цин прекрасно знал о своем главном козыре — тембре голоса. Благодаря существованию системы, он мог без ложной скромности заявить, что вряд ли на свете найдется голос краше его собственного во время пения.

Под звуки зазвучавшей музыки в зал мощной волной хлынули густые религиозные и экзотические мотивы. Люди невольно затаили дыхание, а когда Хан Цин запел, на них тяжким грузом легла атмосфера священной торжественности.

Это звучало совершенно иначе, нежели оригинал.

Он пел на санскрите!

В студии воцарилась абсолютная тишина, и даже самые бойкие и веселые звездные гости стерли с лиц улыбки.

Цзян Моян не сводил глаз с человека на сцене. Едва тот появился, он сразу узнал Хань Яо. Но в этот момент Хань Яо разительно отличался от того, каким он видел его раньше. Чистый духом юноша с глубоко затаенной гордостью во взгляде в эту секунду превратился на сцене в величественное, непостижимое божество.

Его голос был достаточно звенящим, достаточно просторным, но при этом — исполненным строгой торжественности.

Ни намека на суетливое безумие.

Цзян Моян шумно выдохнул, осознав, что все это время сидел с зажатым ртом и не смел вдохнуть.

Какой же он гений.

Цзян Моян невольно усмехнулся, а в его глазах разгорался жаркий огонь. Чем прекраснее и недоступнее казался человек, тем сильнее возникало желание низвергнуть его с небесного пьедестала. Если Хань Яо подобен божеству, то он сам непременно станет тем святотатцем, что осквернит его.

Цзян Моян с силой сжал пальцы в кулак, с трудом подавляя бушующее внутри вожделение.

На судейских местах Су Мин тоже никак не мог унять трепет в душе.

Возможно, кто-то другой и не узнал бы его, но он безошибочно понял, что под маской скрывается Хань Яо. Движимый, пожалуй, чувством духовного родства, он пересматривал записи выступлений Хань Яо бесчисленное количество раз, поэтому успел досконально изучить его вокал. Поначалу, едва Хань Яо затянул песню, Су Мин не признал его, но по мере того, как музыка захватывала его целиком, мгновенно уловил знакомые нотки. Голос этого юноши обладал поистине магической силой... Су Мин почувствовал, как его сердце забилося вдвое быстрее.

Он невольно прикрыл глаза.

Когда песня наконец стихла, в студии повисла короткая пауза. Лишь спустя мгновение, когда ведущий тихо кашлянул, зрители словно очнулись от наваждения, и зал взорвался оглушительными аплодисментами.

Хотя Хань Яо и прославился, для большинства он оставался новичком. Переглянувшись между собой, гости так и не смогли догадаться, кто же выступал под маской.

Су Мин сразу понял, кто это, но теперь лишь крепче сжал губы.

<http://bllate.org/book/21333/2164051>